

Владимир Сергеевич Комиссаров

Родился 29 марта 1953 г. в с. Васильевка Аламединского района Киргизской ССР. В 1978 г. с отличием окончил дневное отделение юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. С октября 1978 по декабрь 1980 г. работал на юридическом факультете Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева вначале старшим лаборантом, затем ассистентом. С декабря 1980 по декабрь 1983 г. обучался в очной аспирантуре юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидатскую диссертацию на тему «Уголовная ответственность за бандитизм» защитил 27 января 1984 г. Работает на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова с 1984 г. Докторскую диссертацию на тему «Преступления, нарушающие общие правила безопасности (понятие, система, общая характеристика)» защитил 21 февраля 1997 г. Профессор по кафедре уголовного права и криминологии с 16 февраля 2000 г. Заведующий кафедрой уголовного права и криминологии с июня 2000 г. С апреля 1998 по февраль 2003 г. — заместитель декана юридического факультета МГУ по научной работе. Член ученого совета юридического факультета МГУ с 1992 г., специализированного совета по защите докторских диссертаций в МГУ с 1991 г., в Санкт-Петербургском государственном университете — с 2008 г. Читает общие курсы уголовного права России, спецкурсы. Подготовил 4 докторов наук и 9 кандидатов наук, опубликовал более 140 научных работ общим объемом свыше 400 п. л. Принимал участие в разработке Уголовного кодекса РФ 1996 г.

«НОВЫЕ ПОПРАВКИ ЛОМАЮТ СИСТЕМУ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА»

Заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ Владимир Сергеевич КОМИССАРОВ рассказал в интервью журналу «Московский юрист» о причинах смягчения уголовной ответственности за экономические преступления, негативных последствиях масштабного изменения Уголовного кодекса и перспективах введения уголовной ответственности юридических лиц.

— Владимир Сергеевич, насколько либерализация уголовной ответственности за экономические преступления соответствует реалиям жизни, которые складываются сейчас в России? В гражданском законодательстве наблюдается противоположная тенденция — проект изменений в Гражданский кодекс предполагает более жесткое регулирование некоторых вопросов. Однако существует противоположное мнение: надо сделать более мягким гражданское законодательство и более жестким — уголовное, обеспечив тем самым контроль «на выходе».

— С моей точки зрения, либерализация ответственности за экономические преступления нужна. Для этого есть ряд причин. Во-первых, необходимо ис-

править ошибки, допущенные при принятии действующего Уголовного кодекса. Когда мы его разрабатывали, у нас еще не было опыта жизни в рыночных отношениях. Были скопированы нормы иностранных законодательств. В результате многие из них не применялись. Для этого были разные причины: некорректное определение признаков преступлений, отсутствие политической воли, отсутствие навыков у следователей. Потребовалось изменение уголовного закона, что и происходит до сих пор.

Во-вторых, экономические преступления — это не преступления против жизни и здоровья. Когда человека лишили жизни, это уже невозвратимо. При экономических же преступлениях добиться восстановления нарушенного права — а это одна из целей наказания — достаточно просто. Уплати деньги — и все. Что, кроме того, соответствует существующей в обществе системе ценностей. А кодекс — это нормативный акт, который охраняет систему социальных ценностей, выстроенных в обществе. Поэтому большая часть экономических преступлений — это преступления небольшой и средней степени тяжести, т.е. наказуемы сроками до пяти лет лишения свободы.

Я убежден, что преступления, за которые возможный срок лишения свободы составляет три года, можно перенести в разряд так называемых уголовных проступков.

— Которые не наказываются лишением свободы?

— Не совсем. Теоретически лишение свободы можно назначить. Но к ним можно применить правило, которое есть в принятом новом законе. Одно из положений в нем запрещает суду назначать наказание в виде лишения свободы при наличии смягчающих обстоятельств.

В этом же законе есть еще одна новелла, позволяющая освободить от ответственности за экономические преступления при полном возмещении ущерба и уплате штрафа. Это тоже вполне нормальное решение.

— Система наказаний в России за экономические преступления кажется действительно довольно либеральной по сравнению, например, с США.

— Да, может быть, и так. Но надо учитывать еще и сложившийся у нас менталитет. Неготовность к цивилизованным рыночным отношениям формирует определенное правосознание у населения. Это накладывает ограничения на законодателя. Можно хоть смертную казнь ввести за экономические преступления. Но это отнюдь не означает, что норма будет работать. На сегодняшний день общество не готово к тому, чтобы как должное воспринимать жесткие санкции за экономические преступления.

Неготовность к цивилизованным рыночным отношениям формирует определенное правосознание у населения и накладывает ограничения на законодателя

— Получается, для общества норма — совершать экономические преступления?

— Я думаю, в какой-то степени да. Вспомните действовавшую в советское время статью о мелком хищении. Она менялась много раз за период действия Уголовного кодекса 1960 г. и применялась с большим трудом, потому что считалось незачинным прихватить что-нибудь с работы. Даже термин специальный был: не вор, а «несун».

Но очевидно, что есть серьезные экономические преступления, за которые должна быть соответствующая их тяжести ответственность. Например, рейдерство. Это совершенно новый вид преступной деятельности, который у нас стал появляться все чаще и чаще. Наверное, именно это требует серьезной реакции со стороны государства.

— После ознакомления с информацией от прокуратуры, которую мы публикуем в этом номере журнала, у меня сложилось впечатление, что суды довольно либерально подходят к назначению наказаний за экономические преступления. Сроки небольшие, часто условные. Нужна ли дальнейшая либерализация?

— Действительно, существует достаточно либеральная практика назначения и применения наказаний. Но либерализация не всегда означает смягчение наказания. Под ней может пониматься расширение круга альтернативных наказаний, более мягких, чем лишение свободы. Она может проявляться в снижении сроков или быть связана с обязательным освобождением от уголовной ответственности при определенных условиях.

Главное — должен быть единый подход. С точки зрения закона не должно быть разницы, нарушает закон индивидуальный предприниматель или руководитель крупнейшего холдинга. Но при этом судья должен иметь широкий выбор мер воздействия.

— Не обязательно лишение свободы?

— Нет. Мне, например, нравится такая мера наказания, как обязательные работы.

— У нас ее мало применяют.

— К сожалению, да. Но представьте себе не очень крупную, но достаточно солидную фирму, где работает 100–150 человек. Она проштрафилась. И решением суда руководство этой фирмы, во главе с генеральным директором, по утрам, когда подчиненные идут на работу, метелочкой подметает территорию вокруг своей фирмы. Думаю, руководитель готов будет отдать любые деньги ради того, чтобы не уронить свой престиж. Очень действенно.

— **За рубежом чаще используют наказания такого типа?**

— Да. Причем там довольно жесткий контроль над тем, чтобы человек действительно работал.

— **У нас это может быть проблемно. Возможно, из-за этого и не назначают такое наказание?**

— Отчасти, может быть, и из-за этого. Но я думаю, что пока судьи не понимают эффективности подобных мер.

— **Возможно, в случае с экономическими преступлениями проблема не в правилах игры, а в применении этих правил? Раскрываемость таких преступлений невысокая.**

— Я всегда считал, что одним из главных недостатков закона, тем более уголовного, является избирательность его применения. Поэтому нужно обеспечивать неотвратимость ответственности.

Одним из главных недостатков закона, тем более уголовного, является избирательность его применения

— **Как этого добиться?**

— Работа, как мне кажется, должна идти через воспитание у правоприменителя такого уровня сознательности, чтобы для него было невыгодно не исполнять закон. К сожалению, сейчас это не так. Помимо этого, решаются вопросы не только сугубо государственного интереса, но нередко и интереса частного. Поэтому надо менять уровень правосознания в целом.

— **Вы поддерживаете идею введения ответственности за создание фирм-однодневок?**

— С моей точки зрения, создание фирм-однодневок — это не столько экономическое преступление, сколько преступление против собственности. Через них уводят материальные ресурсы. Предлагаемый в законопроекте состав сформулирован как создание фирмы с целью участия в преступной деятельности. Из этого очень трудно выделить криминообразующие признаки. Грань гражданско-правового и уголовно-правового отношения в этом случае становится практически фикцией.

— **К вам на кафедре обращались за рекомендациями по этому законопроекту?**

— Нет, но я бы поставил вопрос шире. В последние пять — семь лет наш законодатель посчитал, что он самый умный, и поэтому чьи-то экспертные заклю-

чения — специалистов, ученых — ему абсолютно не нужны. Нас ставят перед фактом, что закон принят в первом чтении.

Например, новый большой закон о внесении изменений в Уголовный кодекс, меняющий порядка трехсот статей. По нему проводились парламентские слушания уже после его принятия в первом чтении. В чем логика? Первое чтение — это одобрение концепции. И понятно, что, если ее одобрили, текст существенно менять уже нельзя.

— Получается, последняя волна изменений в уголовное законодательство проходила без участия ученых.

— Да. Мы подключались к работе, только если узнавали о существовании законопроекта по своим личным каналам.

Я до сих пор формально считаю членом научно-экспертного совета и в Госдуме, и в Совете Федерации. Но сам совет не функционирует.

Что в результате? Приведу один пример. Часть 4 ст. 111 Уголовного кодекса предусматривает ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. В марте этого года по ряду составов преступлений в Особенной части УК сняты нижние уровни санкций. Это коснулось и упомянутой статьи. Если раньше по четвертой части предусматривалось от пяти до двенадцати лет лишения свободы, то теперь пять лет убрали. Получается, суд может назначить наказание в пределах минимальной санкции, установленной общей частью Уголовного кодекса, — два месяца. А ведь человек фактически совершил убийство.

— Вы считаете, это недосмотр законодателя?

— Это грубейшая ошибка. Кодекс строится на определенной системе социальных ценностей. По Конституции, самая главная ценность — это человек, его жизнь. А что получается? В 2003 г. условное осуждение сделали возможным не с пяти лет, как обычно было принято на практике, а с восьми лет лишения свободы. Теперь можно условно осудить за убийство без отягчающих обстоятельств, за квалифицированное групповое изнасилование.

Второй шаг — это уничтожение нижнего предела санкций. Раньше можно было суд упрекнуть в том, что он нашел недостаточно обстоятельств, чтобы снизить нижний порог наказания, а сейчас к этому не придерешься. Это сфера усмотрения суда.

— Это предусмотрено новым законом?

Новый закон полностью ломает систему Уголовного кодекса, потому что дает право судье менять категорию преступления

— Совершенно верно. Данный закон полностью ломает систему Уголовного кодекса, потому что дает право судье менять категорию преступления. Если судья посчитает, что пре-

ступление, с его точки зрения, не средней тяжести, он может придать ему статус преступления небольшой тяжести.

А Кодекс исходит из жесткой категоризации преступлений в зависимости от размера возможных санкций. К каждой группе преступлений привязаны определенные правовые последствия. Срок давности, выбор места отбывания наказания и т.д. У этой нормы очень высокий уровень коррупциогенности. У судьи появится соблазн договориться. Он переносит преступление в другую категорию — а там правовые последствия уже совершенно иного плана.

Еще один штрих. Повышается потолок наказуемости для преступлений небольшой тяжести: с двух лет до трех лет. Самое печальное, что действует условие: при отсутствииотягчающих обстоятельств назначать наказание в виде лишения свободы для данных категорий преступлений нельзя. Получается, что человек, который совершил убийство в состоянии аффекта, не может быть лишен свободы, если нет отягчающих обстоятельств. Но несмотря на состояние аффекта, это все-таки убийство.

Выходит, что с точки зрения законодателя ценность жизни уменьшается.

— Этому есть подтверждение в других статьях?

— Да, приведу еще один пример. Появился квалифицированный вид террористического акта: террористический акт, сопряженный с умышленным причинением смерти. Умышленное причинение смерти — это убийство. Однако теперь за него нельзя привлечь к ответственности по совокупности с терроризмом. Самое тяжкое преступление стало частью другого преступления.

Почему это сделано? Чтобы решить проблему с Чечней. Такие дела может рассматривать суд присяжных. Чтобы изъять их из-под юрисдикции местного суда — правила рассмотрения дел о терроризме это позволяют, — ввели вот такую сложную конструкцию.

— Не настало ли время переписать Уголовный кодекс, вместо того чтобы вносить поправки в почти каждую статью?

— Российский конгресс уголовного права, президентом которого я являюсь, принял однажды резолюцию об утрате Уголовным кодексом своей системности. С этим вопросом мы неоднократно обращались к Президенту. Думаю, что принятый закон будет последним ударом по системе Уголовного кодекса.

Еще десять лет назад на слушаниях в Совете Федерации я говорил о необходимости готовить новую редакцию Уголовного кодекса. С тех пор добавились законодательные огрехи. Противоречий все больше, особенно в Особенной части УК.

Некоторые специалисты предлагают принять новый Уголовный кодекс. Я против. Для этого надо разработать новую идеологию. Новый

**Для того чтобы принять
новый Уголовный кодекс,
надо разработать
новую идеологию**

кодекс возникает при очень серьезных новых обстоятельствах. Мы приняли новый Уголовный кодекс в 1996 г., потому что ушли от социализма. На сегодняшний день я не вижу причин подобного масштаба.

— **Есть одна активно обсуждаемая новелла, которая тоже концептуально нарушает идеологию Кодекса. Это возможность привлекать к уголовной ответственности юридических лиц. Одна из декларируемых причин ее введения — необходимость использования уголовно-процессуального инструментария для выявления всех обстоятельств правонарушений. Правильны ли такой подход?**

— Боюсь, что Вы правы. С точки зрения классической школы, конечно, уголовной ответственности юридических лиц не должно быть. Но сейчас все больше государств вводят у себя этот институт. Даже в Китае он предусмотрен. Мы провели на эту тему круглый стол с участием представителей Следственного комитета, работавших над данным законопроектом.

Вводить ответственность юридических лиц надо аккуратно, чтобы решить ряд проблем. В первую очередь это определение вины юридических лиц. Кроме того, обязательно должна быть одновременная ответственность физического лица. Но у нас есть еще одна проблема, о которой сказал участвовавший в круглом столе профессор МГЮА: не станет ли в условиях нашей сегодняшней судебной системы уголовная ответственность юридических лиц очередным кнутом для неугодных компаний, которые в чем-то не соглашаются с официальной властью?

— **Введение подобной ответственности позволит лучше раскрывать преступления?**

— С одной стороны, в уголовном процессе возможностей больше, чем в административном. С другой стороны, я склоняюсь к тому, что нам этот институт принесет больше негативных элементов, нежели позитивных.

— **Какие негативные моменты в дополнение к обозначенному выше Вы можете назвать?**

Проблему ответственности юридических лиц можно решить путем повышения административных штрафов

— Думаю, он самый главный. Можно решать проблему, повысив размер административных штрафов. У нас ответственность юридических лиц планируют ввести в основном за экономические и экологические

преступления. Штрафные санкции могут помочь компенсировать вред. Но и фактически привести к банкротству. В результате пострадают акционеры, которые могут быть ни к чему не причастны.

— Вы рассказали про экономические и экологические преступления. Есть возможность привлекать юридических лиц к уголовной ответственности за иные преступления?

— Да, в некоторых странах могут привлекать за непредумышленное убийство. Например, корпорация выпускает неисправный автомобиль, некачественные лекарственные препараты. Если это будет установлено, вина вменяется автоматически. Еще можно говорить о финансировании террористических организаций.

— Мы, видимо, так далеко идти не собираемся?

— Нет, конечно. Мне бы хотелось, чтобы не торопились принимать соответствующий закон. Лучше внимательно все обсудить с участием юридической общественности, экспертов и с обязательными парламентскими слушаниями.

— Уголовное право довольно жизненно и ставит много интересных вопросов. Но будут ли востребованными студенты, специализирующиеся в этой области?

— Последние пять лет количество студентов, желающих специализироваться по нашей кафедре, колеблется от 25 до 40 человек. Всего на курсе — 350 студентов. Это лучше, чем в начале 1990-х, когда количество желающих исчислялось единицами: семь, десять, двенадцать человек.

Мы всегда задаем нашим студентам-специалистам вопрос: где бы вы хотели работать? Процентом 50–60 хотят работать в органах. Имеются в виду органы прокуратуры, Следственный комитет, Роснаркоконтроль.

Кстати, Александр Баstryкин подписал с нашим ректором договор о подготовке так называемых финансовых следователей. Это будет на базе факультета МГУ — Высшей школы аудита.